

Г. И. ЧУЛКОВ

Листопад

Быть может, сон создал мои картины,
Но пусть! Мой сон — печаль моей любви...

Иван Бунин

I

Иван Бунин — единственный значительный представитель тургеневской полосы в современной литературе. Как-то странно видеть сборники его стихов и рассказов заключенными в зеленую обложку товарищества «Знания». И талантливые, и бездарные сотрудники «Знания» явно далеки от пушкинско-тургеневских традиций, и развинченный, распатанный стиль какого-нибудь Юшкевича или даже самого Максима Горького ничего общего не имеет с четким, суховатым, но всегда точным и крепким стилем Ивана Бунина.

Иван Бунин знает, что значит мастерство, и любит его. Он бережно лелеет слова и не расточает случайных эпитетов, натянутых сравнений и фальшивых образов.

Сухость и сдержанность лучше пышности, не оправданной основной темой. Иные современные повествователи, начитавшиеся Бальмонта и переведенного на русский язык Пшибышевского, вообразили, что тайна творчества — в нанизывании неврастенических эпитетов и в истерическом стиле. Но бриллианты Бальмонта и Пшибышевского они заменили стеклом, и лишь плохие ювелиры не отличат этого фальшивого блеска от живой игры настоящих камней.

У Ивана Бунина все подлинное. Приятно читать внятные, любовно отшлифованные стихи и рассказы Бунина после этих

многословных и неряшливых писаний, которые охотно потребляются теперь книжным рынком.

После того, как определилось «Знание» и его литературное лицо выяснилось окончательно, появилась новая группа повествователей с претензиями на «изысканность». Иные успели уже бесславно погибнуть для литературы, завязнув в своем собственном стиле: «модернизм» кружит голову господам бытописателям; и вульгарная пшибышевщина вопит со страниц журналов и альманахов.

От декадентства взяли не его сущность, а то побочное и случайное, что усвоить легко, не отдавая себе отчета в том, какую ответственность принимает на себя человек, воистину познавший сокровенное крайнего индивидуализма. Словесный разврат и бесстыдная развязность стиля царят в «широкой» литературе.

Но символисты, настоящие символисты, умеют любить стиль и язык, и даже «младшие» из них научились писать четко и красиво.

Малоизвестный Марк Криницкий и совершенно неизвестный Юрий Черета умеют писать с той изысканной простотой, о которой понятия не имеют наши популярные беллетристы.

Так же обстоит дело и со стихотворцами. Многим популярным «поэтам» не мешало бы поучиться тихой ясности у Дмитрия Фридберга или у Корина.

Простой и прозрачный стиль Ивана Бунина построен, однако, по определенному плану, и слова у него двигаются не случайно по точным путям, в строгом и ясном ритме.

Вот отрывок из рассказа «Руда», к которому стоит прислушаться:

«Осень приходила к нам светлая и тихая, — она воцарялась в степи так мирно и спокойно, что казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо — чистым и кротким, солнечные дни — веселыми. Тогда можно было различить самый отдаленный курган в степи, на открытой и просторной равнине ярко-желтого жнивья. Осень убирала и березу в золотой убор. А береза радовалась и не замечала, как недолговечен этот убор, как листок за листком осыпается он, пока, наконец, не оставалась вся раздетая на его золотистом легком ковре. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна, и вся сияла, озаренная из-под низу желтым отсветом сухих листьев. А радужные паутинки тихо летали возле нее в блеске солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народ называет их красиво и нежно — “пряжей Богородицы”».

В такой прозе есть определенный уклон, полет, напряжение — все то, что определяет собою ритм, — и нельзя ставить грани между стилем Бунина и его художественной прозой. Обращаясь к внутренней стороне стиля — к образам, мы видим, как Бунин выводит их из состояния неподвижности, как он искусно открывает в них живую пульсацию. Жива светлая и тихая Осень, жива Береза, которая стоит обнаженная на «золотистом легком ковре» из опавших листьев и вся «сияет, озаренная из-под низу желтым отсветом». И, наконец, прекрасны «радужные паутинки», которые тихо садятся на сухое, колкое жнивье...

Это тютчевский образ:

Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

И в стихах своих Бунин умеет дыханием жизни оживлять желанные ему образы:

И Осень тихою вдовой
Вступила нынче в терем свой.
Как хорошо ей на поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.

И вот Осень бродит в своем «расписном» тереме, «лиловом, золотом, багряном»...

Все строже вдаль она глядит,
Все резче тайное страданье
В ее немых очах сквозит...
Какое вещее молчанье.

В стиле Бунина есть благородная тургеневская ясность, и если стиль его лишен иногда необходимой смелости и окрыленности, зато его язык почти никогда не бывает банальным. И диалог никогда не звучит фальшиво. Крестьянская речь порой возвышается до расцветающего языка Лескова и никогда не расплывается, никогда не утомляет внимания.

Но Иван Бунин — не символист: поэтому всегда между его переживанием, с одной стороны, и образом, стилем, языком, с другой, есть посредствующее звено, которое определяется различными психологическими моментами и, конечно, прежде всего сознанием. Это — как бы холодильник, через который проходит горячая влага непосредственного творчества.

Правда, и в лаборатории символиста есть такой холодильник, но он вводится в цепь опыта после, а не во время самого процесса

рождения образа; благодаря этому освобождению от рассудочного контроля образ претворяется в символ; потом мастер-артист холодной рукой завершает свою ювелирную работу, но уже символ, раз рожденный, не сокрушится. У Ивана Бунина образы редко претворяются в символы, но тем не менее искусство Бунина — настоящее, подлинное искусство, и нельзя не ценить его очаровательной лирики.

II

В поэзии Ивана Бунина есть одна основная тема, с которой связаны почти все его переживания, его любовь и его печаль...

Тема эта — Русь.

И в этой теме поэт является наследником Пушкина и Тургенева. В этой бунинской Руси нет громоздкой эпической России Льва Толстого, нет загадочной и скорбной России Достоевского, нет замученной Руси Глеба Успенского и нет той Руси, которая — по слову Гоголя — несетя как «необгонимая тройка», мчитя «вся вдохновленная Богом»...

Иван Бунин знает и любит ту тихую деревенскую Русь, от которой пахнет стариной не слишком древней, тот мелкопоместный уклад, понять и простить который можно лишь в дни его увядания. Русь полевая, охотничья, обвеянная ясным ветром, напоенная медом и брагой, деревенская Русь с овинами и ригами, с тихими зорями, с квохтаньем дроздов на коралловых рябинах, с русой девушкой в плисовой безрукавке, в строгой поневе — это бунинская Русь.

Бунин любит бытовую Россию, он не сжигает, подобно иным мятежным художникам, своего родного дома, чтобы идти в неизвестную даль вольных полей. Но Бунин — поэт, и тонкий вкус мастера не позволяет ему принять быт в расцвете, в его самодвольной устойчивости. Сам Бунин не ведает исхода из бытовой западни и никогда не пытается расширить основы быта, разрушить основание его, но, как лирик, он поет быт в его распаде, оплакивает его увядание и бессознательно возвышается иногда до иных слез, иной печали — более мудрой: порой Бунин, как поэт, скорбит уже об увядании и смертности нашего мира вообще, и в этом переходе от быта к миру, от устройства человеческой жизни к земле слышится уже, хотя и полувнятно, песня о земле бессмертной.

Даже в рассказе «Антоновские яблоки», где быт представлен пышно, Бунин тихо шепчет о смерти. «И вот предо мною прохо-

дит целый мир, — говорит Бунин, — целый быт, который скудел, дробился и теперь уже умирает, так что, может быть, через каких-нибудь пятьдесят лет его будут знать только по нашим рассказам...»

Но на Руси есть не только антоновские яблоки, сухие пашни и вишневые сады: есть еще песни на Духов день, вещуньи кукушки, величальные свадебные обряды, а под Петров день игры солнца, есть миф о Николае Чудотворце и, наконец, величайший миф о Заступнице всех скорбящих.

Этот миф о полевой Богоматери связан неразрывно с темою Руси, и Бунин не мог пройти мимо него равнодушно. Вместе с мужиками Бунин молился Ей в открытом поле под старым крестом у березы.

— Пресвятая Богородица, защити нас Покровом Твоим, — бессознательно шепчет поэт таинственные слова перед суздальской иконой Божьей Матери, покровительницы полей.

И в стихах Бунин поет ее:

Не туман белеет в темной роще —
Ходит в темной роще Богоматерь.
По зеленым взгорьям, по долинам
Собирает к ночи божьи травы.

Ели своей черной хвоей застыят золотой иконостас заката; под росую пахнет медуница и светит по рощам золотой венец Богоматери:

Как туман бела ее одежда,
Голубые очи — точно звезды.
Соберет она цветы и травы
И снесет их к Божьему престолу.

Но в сердце Бунина ограниченный «идеализм» всегда одерживает верх в борьбе с религиозными томлениями. И порой трезвый Бунин делает свои признания в этом смысле:

Теперь давно мистического храма
Мне жалок темный бред:
Когда идешь над бездной, надо прямо
Смотреть в лазурь и свет.

По счастью, Иван Бунин редко философствует и рассуждает. Бог благословил его сердце на мечты, и ему не надо зарывать таланта в землю и напрасно искать чужих даров.

III

В теме любви Иван Бунин остается верным тургеневскому идеализму. В творчестве Бунина — та же задумчивая нежность, та же бескорыстное томление, та же рыцарство, та же любовная печаль... И это в наши дни, когда тема любви трактуется в романах и рассказах как тема физиологическая, и мещанское общество читает почти исключительно тех глуповатых беллетристов, которые умеют любить в жизни лишь дебелую бабу или даже еще определеннее — ее жирные бедра.

Дело тут не в порнографии: Константина Сомова занимают иногда не только эротические, но даже явно порнографические темы, но они всегда оправданы высокой иронией, и кто решится упрекать художника в выборе сюжета? Федор Сологуб также не раз раздражал строгих моралистов своим «садизмом», но никогда поэт не был ниже своей темы: он владел ею, а не она им. И призрак холодной Смерти всегда витает над эротическими переживаниями мудрого лирика: под веянием крыльев последней владычицы, Смерти, не улыбнешься нехорошей улыбкой вульгарного эротомана; и напрасно иные скрывают свои пустые душонки под маской морали, удобной для домашнего обихода.

Не таков Бунин. Ему веришь, когда он поет:

Я ль не любил? Я ль не искал мятежно
Любви и счастья юность разделить
С душою женской светлою и нежной
И жизнь мою в другую перелить?

Но та любовь, что душу посещала,
Оставила в душе печальный след, —
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой в жизни нет.

И от нее я взял воспоминанья
Лишь лучших дней, и уж не ту люблю,
Кого любил... Люблю мечты созданья,
И снова о несбыточном скорблю.

В этом замечательном признании на лермонтовскую тему («Люблю мечты моей созданье») ключ к пониманию любовной лирики Ивана Бунина. И как внятна заключительная строфа этого стихотворения:

И горько я, и сладостно тоскую,
И грезится мне сладкая мечта,
Что воскресит мне радость неземную
Печальная земная красота.

У Ивана Бунина есть рассказ «Осенью». В этом рассказе о любовном свидании столько печальной нежности и тишины, что, узнав его, нельзя не ценить бунинской лирики. «И когда я целовал атлас платья на ее коленях, — рассказывает поэт, — а она в ответ на мои бесконечные признания и планы на будущее тихо смеялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрел на нее с восторгом безумия, и в тонком звездном свете ее бледное, счастливое и усталое лицо казалось мне прекрасным, как у бессмертной».

Этот «тонкий звездный свет» и это лицо, «прекрасное, как у бессмертной» — все это к той же теме «печальной земной красоты» и неземной «светлой мечты».

В рассказе «Новый год» — еще одно свидание, странное свиданье мужа и жены, которые вдруг в деревенской пустынной усадьбе очнулись от городской суеты, забыли свою повседневную враждебность друг к другу и отдались на миг любви. Жена выбежала ночью на снежный двор, кружилась при бледном свете месяца по белой земле и бормотала стихи о Татьяне, которая, как сказано у Пушкина, «на месяц зеркало наводит».

Что-то ясное и таинственное, чувственное и целомудренное есть в этом любовном увлечении снежной луной — как непонятный отблеск бессмертной любви.

В рассказе «Костер» поэт увидел случайно во время пути ночью девушку цыганку и тотчас влюбился в ее смоляные волосы, страстную нежность глаз, губ и всего «древнеегипетского овала лица». Но лошади тронули, копыта дружно застучали, — и костер, и цыганка уже далеко. Но «и в запахе росистых трав, и одиноком звоне колокольчика, в звездах и в небе было уже новое чувство — томящее, непонятное и от этого еще более сладостное».

В рассказе «В августе» поэт делает еще раз свое признание: «В одной мечте об этом несуществующем женском образе уже было счастье. Но он обещал мне больше — свою близость, свою любовь, понимание самых сокровенных моих помыслов — все, чего я никак не мог выразить не только словами, но даже думами, и что никогда не сбылось и не сбудется».

Что-то осеннее есть в любви Бунина, какая-то тютчевская «улыбка увяданья», как будто багряные листья тихо падают и тихо кружатся. И неслучайно первую книгу стихов своих Бунин назвал «Листопадом».

